

НЕКРАСОВ КАК ИЗДАТЕЛЬ СОБСТВЕННОЙ КНИГИ: К ВОПРОСУ О СПОСОБЕ ПУБЛИКАЦИИ ПОЭМЫ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Е. В. Саженина

Институт филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета

Поступила в редакцию 2 августа 2014 г.

Аннотация: статья посвящена особенностям публикации поэмы «Кому на Руси жить хорошо» при жизни автора. Высказывается гипотеза о том, что разорванная публикация и нарочитая фрагментарность поэмы входили в авторский замысел. Длительные перерывы в первой публикации, особого рода выделенность глав во втором издании и отсутствие указаний о месте главы «Крестьянка» после написания «Пира на весь мир» – все это сообщает фрагментам поэмы позиционную неустойчивость. Конструктивный принцип поэмы предполагает достаточную свободу связей между ее частями. Читателю предоставляется возможность самостоятельно соединить фрагменты в им самим создаваемое «целое».

Ключевые слова: Некрасов, литературная репутация, расчет на аудиторию, руководство восприятием, «Кому на Руси жить хорошо», фрагментарность, особенности замысла и реализации.

Abstract: the article is devoted to the publication features of the poem «Who can be happy in Russia» during author's lifetime. It was hypothesized that uneven publication and deliberate fragmentation of the poem included in the author's intention.. There was a long intervals in the first publication, a special kind of the highlighted title in the second publication. Nekrasov didn't give instructions about the place chapter «Peasant woman» after writing «The feast for the whole world». The constructive principle of the poem suggests a sufficient freedom relations between its parts. The reader is given the opportunity to join the fragments of his own builds "whole".

Key words: Nekrasov, the literary reputation, the reliance on audience, the guidance of perception, «Who can be happy in Russia», fragmentation, features of intention and implementation.

Литературная репутация Н.А. Некрасова во многом осложнена его «способностью сочетать в себе поэта с успешным предпринимателем» [1, 5], издателем, ориентированным на коммерческий успех выпускаемых книг. Современники-недоброжелатели даже утверждали, что Некрасов – редактор «прогрессивных» изданий значил гораздо больше, чем Некрасов – поэт: «Как человек достаточно опытный, он должен понимать, что роль, которую он играл в русской литературе, как стихотворец, гораздо незначительнее той, какую он играл, как издатель» [2, 112]. Друзья Некрасова восхищались издательским мастерством Некрасова-издателя в обращении с авторами и подписчиками журнала. Такова, например, оценка некрасовского таланта П. Ковалевским: «Лучшего редактора, как Некрасов, я не знал... умнее, проницательнее и умелее в сношениях с писателями и читателями никого не было» [16, 287].

Тем интереснее с историко-филологической точки зрения становится некрасовский расчет на аудиторию в издании его собственных сочинений. Особенно – в отношении его последней поэмы «Кому на Руси жить хорошо» – произведения, которое начинает печататься

задолго до своего завершения и, согласно общепринятому мнению, осталось незавершенным в результате смертельной болезни Некрасова.

В некрасововедении круг проблем, связанных с изданием поэмы «Кому на Руси жить хорошо», долгое время был замкнут на вопросе о последовательности ее частей. Основной причиной отсутствия канонического текста поэмы является тот факт, что Некрасов не оставил указаний, какое место должна была занять в композиции поэмы часть «Крестьянка» [17]. Однако когда мы говорим, что автор не оставил указаний, «что – после чего» печатать в поэме, которую он называл, согласно воспоминаниям А. А. Буткевич, «любимым детищем» [18, 190], мы не должны забывать, кто был ее автором. Маловероятно, чтобы в сознании редактора и издателя, крупного организатора литературных сил, всегда рассчитывающего на публику и широкий резонанс произведений, издаваемых «Современником», художественный замысел главной поэмы существовал без издательского плана, или хотя бы общего представления о том, как поэма будет печататься, чтобы быть воспринятой должным образом.

В этом отношении заслуживает внимания сам способ публикации поэмы «Кому на Руси жить хоро-

шо». Отдельные части поэмы печатались при жизни Некрасова в течение восьми лет с большими и неравными интервалами. Попробуем реконструировать историю публикации поэмы в сознании читателя, который вновь и вновь ожидает следующей части произведения, и выяснить, насколько эти длительные перерывы могли соответствовать стратегии Некрасова как издателя собственной книги.

В плане восприятия современниками некрасовской поэмы весьма показательно волнение за судьбу произведения, выраженное в письме Ф. С. Размахнина Некрасову (февраль 1871 года): «И я ждал с нетерпением, – писал почитатель некрасовской поэзии, – что расскажут про свое бытие купчина, министр государев и царь, но увы! До сих пор ни слова; неужели Вы остановились и не хотите продолжать или красный карандаш оставил следы на Вашей корректуре?» [4, 221]. Читательское нетерпение и негодующее замечание «до сих пор ни слова» вполне правомерны: с момента опубликования Пролога (январь 1866) прошло уже пять лет. Более того, за этот период вышли в свет только две «порции» первой части поэмы: спустя три года (!) после многообещающего обозначения в конце текста «Продолжение впредь» появляются «Поп», «Сельская ярмонка» и «Пьяная ночь» (январь-февраль 1869 года), затем еще через год – «Счастливые» и «Помещик» (февраль 1870). Три года пройдут, прежде чем читатели смогут увидеть следующую часть поэмы – «Последыш» (февраль 1873), и почти год разделяет публикацию «Последыша» и новой части – «Крестьянка» (январь 1874).

Столь длительные перерывы в публикации поэмы объясняются разными факторами. Основные причины сводятся к цензурным препятствиям, а также к *неготовности* других частей поэмы в момент очередной публикации [3, 625], причем обе причины нередко оказываются взаимообусловленными, о чем свидетельствует, например, воспоминание Чернышевского: «...Некрасов постоянно говорил, что пишет меньше, нежели хочется ему: слагается в мыслях пьеса, но является соображение, что напечатать ее будет нельзя, и он подавляет мысли о ней... <...> о чем он думает, что этого невозможно напечатать скоро, над тем он не может работать» [5, 481]. Но поэма все же пишется и печатается.

Если рассмотреть подробно каждый перерыв в публикации поэмы, то далеко не всегда эти паузы связаны только с неблагоприятными внешними обстоятельствами и общей масштабностью замысла, которая «тормозила» завершение поэмы.

Дата в конце первоначальной рукописи позволяет полагать, что вся первая часть поэмы была готова уже в 1865 году [6]. Почему Некрасов не печатает сразу главы первой части вместе с «Прологом»? Эта приостановка обычно связывается с «осторожничаньем» Некрасова-редактора: в декабре 1865

года (за месяц до публикации «Пролога») «Современник» получает второе предостережение [7, 399]. Судьба журнала была уже предрешена самим Некрасовым: «Существование журнала с двумя предостережениями немислимо, подобно существованию человека с пораженными легкими, – писал Некрасов М. П. Щербинину в декабре 1865 года, – <...> На ликвидацию мне необходим следующий год, который во всяком случае будет последним годом существования «Современника» под моею редакциею. Итак, цель издания «Современника» в следующем году – единственно хозяйственная. Уже самая эта цель обязывает меня действовать со всевозможной осторожностью... <...> ибо я не владелец «Современника», а только арендатор его, обязанный в случае запрещения журнала заплатить владельцу его 8 500 р. с.» [8, 33–34].

Версии об «осторожничанье» Некрасова, однако, противоречит факт знакомства с поэмой и вполне лояльного отношения к ней В. Я. Фукса – цензурного чиновника, члена совета министерства внутренних дел, по словам которого, Некрасов должен был читать у него «новую свою вещь “Кто ныне счастлив на Руси?”, вещь тем более замечательную, что она написана в хорошем духе» [6, 103]. Одобрение цензора в апреле 1866 года заставляет усомниться в том, что дальнейшее промедление с публикацией было вынужденным: публичное чтение в те годы заменяло «предварительное рассмотрение» и было известной гарантией того, что книга не попадет под «ножницы» карательной цензуры [19].

Между тем первый перерыв в печатании поэмы не заставил ждать реакции критиков. Уже в октябре 1866 года автор Воскресного фельетона «Наше житье-бытье» написал: «Великий “народный” наш поэт, Николай Некрасов, хотел было решить вопрос, кому на Руси жить хорошо, но, нагородив страниц с шестнадцать удивительной белиберды и бесцеремонно прибавив “продолжение будет”, вдруг, не решив вопроса, исчез и оставил Русь с загадкой относительно того, кому на Руси жить хорошо» [9, 482]. В следующем году в 340 номере газеты «Голос» появляется объявление «Об издании “Отечественных записок” в 1868 году», в перечне материалов – поэма «Кому на Руси жить хорошо». Казалось бы, вот-вот читатели увидят продолжение поэмы, но первые три главы появятся в печати только в начале 1869 года.

И если нет оснований сомневаться в том, что первые два года перерыва в публикации поэмы обусловлены внелитературными проблемами, то зачем понадобился еще один год, прежде чем автор решился печатать давно готовые первые главы поэмы «Поп», «Сельская ярмонка» и «Пьяная ночь»? Кроме того, чем объяснить «неторопливость» Некрасова в отношении дальнейшей публикации частей? Зачем нужно ждать еще год, прежде чем начать готовить к журнальной публикации давно написанные осталь-

ные главы первой части «Счастливые» и «Помещик»? Сведений о «цензурных последствиях» для публикации глав «Счастливые» и «Помещик» мы не находим. Если допустить, что Некрасов в течение года перерабатывает раннюю редакцию этих глав, то остается неоправданной дата, указанная в конце журнальной публикации «Помещика» – 1865 год.

Следующий трехгодичный перерыв еще более немотивирован, если принимать во внимание только «осторожничанье» автора в цензурном отношении. За полгода до вопроса Размахнина о судьбе поэмы М. Е. Салтыков-Щедрин жаловался А. М. Жемчужникову на Некрасова: «Я вопрошал Некрасова насчет продолжения “Кому на Руси”, но сей празднующий муж только улыбается...» (25 ноября 1870) [4, 210]. Между тем сюжет новой главы – «Последыш» – сформировался не позднее 1869 года [3, 644], но поэт пишет ее только в 1872 году. По-видимому, поэт совсем не торопится выпустить следующую часть поэмы и не боится за ее выпуск в цензурном плане (ср. воспоминания о мучительных попытках пропустить через цензуру часть «Пир на весь мир» [10]). Итак, «Последыш» появляется *через три года* с подстрочной сноской к словам «Часть вторая» «Первую часть смотри в “Отеч. зап.” 1869 года, №№ 1 и 2, и 1870: № 2. И в отдельном издании: “Стихотворения Н. Некрасова”, ч. V, 1873 г.» [3, 610].

Еще год разделяет части «Последыш» и «Крестьянка». Установлено, что «Крестьянка» – ранний сюжетный замысел, который относится к 60-м гг., это самый начальный этап работы над поэмой [3, 651]. Через два месяца после выхода «Последыша» Некрасов пишет Н. В. Гербелю (апрель 1873): «...в нынешнем году в “ОЗ” много стихотворных больших вещей было и имеется еще на остаток года: именно большая поэма Полонского, фантазия Островского и мои две главы “Кому на Руси жить хорошо”. Поэтому-то и принужден отказаться от “Паризины»» [11, 19]. Но «Крестьянка» выйдет только в начале следующего 1874 года.

Некрасов не мог не понимать, что за год или три читатель может забыть о том, что и как происходило в предыдущей части. Можно полагать, что у Некрасова как издателя, каждый раз идущего на риск, не было другого выхода, кроме как подождать и усмирить бдительность цензуры. Но тогда закономерен вопрос, зачем вообще нужно было начинать печатать отрывками поэму, написанную на злобу дня, если в дальнейшем все время «осторожничать». Тем более, что материала других писателей, согласно некрасовским письмам, в редакции «Отечественных записок» было достаточно [20].

Кроме того, журнал «Отечественные записки», в котором выходили все части поэмы (за исключением «Пролога»), в плане редакторской ответственности представлял далеко не то же самое, что «Современник». Предусмотрительный Некрасов взял

с А. А. Краевского подписку о том, «что он (Краевский. – Е. С.) как ответственный редактор отдает в полное наше ведение и распоряжение часть журнала, предоставляя полную свободу нашей мысли, и будет заботиться о том, чтобы не было таких инцидентов, за которые цензура может задержать журнал» [12, 349].

Надо сказать, что во многочисленных проявлениях осторожности, сопровождающих историю публикации поэмы, не узнается азартный Некрасов – редактор радикальных журналов, каким его знали современники. Очень яркая характеристика в этом плане дана, например, А. М. Скабичевским: «Когда Некрасову удавалось отстоять журнал, провести какую-нибудь статью, печатание которой казалось с первого взгляда немыслимым риском, он радовался и ликовал совершенно так же, как и в то время, когда ему удавалось подстрелить большого лося или уложить медведя» [16, 451-452]. В подтверждение особых отношений Некрасова с цензурой приведем высказывание одного из сотрудников «Отечественных записок»: «В качестве “практического человека”, опытного редактора и поэта, пользовавшегося особым уважением и в цензуре, Н. А. удавалось сохранять журнал большею частью неприкосновенным» [16, 492-493].

Таким образом, традиционных объяснений разорванной во времени публикации поэмы «Кому на Руси жить хорошо» недостаточно. Совершенно очевидно, что причин промедления в издании частей поэмы могло быть и больше. Но регулярность временных разрывов в публикации и сопутствующие ей обстоятельства наводят на размышления о том, что в вопросе способа публикации поэмы нельзя игнорировать волю автора-издателя, задающего способ восприятия текста определенным способом его публикации.

Какой характер принимает поэма на выходе к читателю? После трехгодичного перерыва, предваряющего появление «Последыша», читатель, скорее всего, не особенно удивляется, когда и «Крестьянка» выходит с годовой задержкой. Более того, читательский горизонт ожидания, сформированный очередной частью поэмы, за время перерывов в публикации текста «деформируется»: причинно-следственная связь между предыдущей (опубликованной) и последующей (ожидаемой, неопубликованной) частями поэмы ослабевает. Поэтому каждый раз читатель вынужден перестраиваться (или «перенастраиваться») в восприятии текста; заново открывать для себя текст, и тот же, и совершенно новый. При этом вопрос о том, какая из предыдущих частей была прочитана последней, а также – была ли она прочитана вообще – оказывается не столь важным. Относительно автономные фрагменты поэмы не складываются в однолинейное целое уже при первой публикации.

Становление корпуса текста происходит медленно и будто вопреки желанию читателя. В этом плане слова «не успел» в отношении незавершенности Некрасовым своей поэмы выглядят недостаточно убедительными, мало что объясняющими. Учитывая длительность истории публикации, можно предположить, что Некрасов и не стремился «успевать». Исключением в этой истории является глава «Пир на весь мир», к которой Некрасов возвращается, будучи смертельно больным, чтобы придать тексту хотя бы условное завершение, «когда уже было ясно, что реализовать весь замысел в его полном объеме не удастся» [13, 133].

Если журнальная публикация глав оказывается разорванной во времени, то в собрании стихотворений 1874 года обращает на себя внимание особого рода выделенность фрагментов: «Последыш» в этом издании обретает подзаголовок «из второй части», которого не было при первой публикации, глава «Крестьянка» сохраняет прежний подзаголовок «из третьей части». В наборной рукописи позиция части «Пир на весь мир» была обозначена так: «Из второй части “Кому на Руси жить хорошо”...». Эти обозначения в последней некрасовской поэме традиционно рассматриваются как указания на возможность в будущем каких-либо дополнений, включений. Б. Я. Бухштаб замечал, что «если бы Некрасов рассматривал “Последыша” как 2-ю часть поэмы, а “Крестьянку” как 3-ю часть, он бы, очевидно, и снабдил их надзаголовками “Часть 2-я”, “Часть 3-я”, а не подзаголовками “из 2-й части”, “из 3-й части”, извещая такими подзаголовками читателя о том, что перед нами не части, а только части частей, отрезки или фрагменты» [14, 33]. Поэтому конструктивный принцип, заданный и способом первой публикации, и внешними редакторскими пометами в отдельном издании «Части первой», «Последыша» и «Крестьянки», предполагает достаточную свободу связей между частями поэмы.

Ощутимые интервалы в первой публикации (1866–1874), особого рода выделенность глав в издании стихотворений 1874 года и отсутствие указаний о месте главы «Крестьянка» после написания «Пира на весь мир» – все это сообщает фрагментам поэмы некоторую позиционную неустойчивость. Читателю предоставляется возможность самостоятельно соединить фрагменты в им самим создаваемое «целое». При такой читательской установке оказываются нерелевантными вопросы о том, в каком порядке нужно читать поэму какой частью она завершается – «Крестьянкой» или «Пиром на весь мир». Вариантов финала некрасовской поэмы два: один из них – притча, рассказанная Матреной Тимофеевной, о потерянных ключах от счастья женского; другой – песня Григория Добросклонова о воплотившемся народном счастье.

Сама возможность размыкания и перестановки

частей поэмы, в результате которой так или иначе образуются разные сюжеты, отменяет линейность некрасовского текста, демонстрирует «свободную композицию» произведения [15, 423], части которого «нельзя приладить друг к другу» [14, 33] единственно правильным способом.

Итак, Некрасов печатает «Часть первую», главы «Последыш» и «Крестьянка» в продолжение восьми лет, неравными «порциями», с неравными временными интервалами.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» выходит в свет по мере воплощения замысла и не без цензурных сложностей. Однако ряд сопутствующих изданию поэмы обстоятельств, освещенных в данной статье, говорит о том, что осмысление факта «разорванной», растянутой во времени публикации поэмы невозможно вне учета издательской прагматики самого Некрасова. Возможно, именно «поэма в отрывках» была «осью» замысла поэта, особенно в первые восемь лет публикации. В этом случае фрагментарность поэмы может рассматриваться как художественное задание Некрасова, организующего – с помощью особой издательской стратегии – особый способ читательского восприятия всего текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Makeev M. S. Николай Некрасов: поэт и предприниматель: (очерки о взаимодействии лит. экономики) / М. С. Makeev. – М.: МАКС Пресс, 2009.
2. Материалы для характеристики современной русской литературы. 1. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым М. А. Антоновича. 2. Post-scriptum. Содержание и программа «Отечественных записок» за прошлый год. Ю. Г. Жуковского / М. А. Антонович, Ю. Г. Жуковский. – СПб.: тип. А. М. Котомина, 1869. – [2], 197 с.
3. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15-ти т. / Н. А. Некрасов. – Л.; СПб.: Наука, 1981–2000. – Т. 5. – 686, [2] с.
4. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, 1821–1877: в 3 т. / [Рос.акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); сост.: О. Б. Алексеева и др.; отв. ред. Б. В. Мельгунов]. – Т. 3: 1867–1877 / [сост.: А. М. Березкин и др.]. – СПб.: Наука, 2009. – 704, [1] с.
5. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений: в 5 т. / Н. Г. Чернышевский; сост. Ю. С. Мелентьев; под общ. ред. Ю. С. Мелентьев. – М.: Правда, 1974. – Т. 3. – 511 с.
6. Теплинский М. В. Некрасов в апреле 1866 года / М. В. Теплинский // Русская литература. 1972. №1. – С. 102–104.
7. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем в 15-ти т. / Н. А. Некрасов. – Л.; СПб.: Наука, 1981–2000. – Т. 2. – 447, [1] с.
8. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем в 15-ти т. / Н. А. Некрасов. – Л.; СПб.: Наука, 1981–2000. – Т. 15. Кн. 1. – 350, [2] с.
9. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, 1821–1877: в 3 т. / [Рос.акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушк.

Дом); отв. ред. Б. В. Мельгунов]. – Т. 2: 1856–1866 / [сост.: А. М. Березкин и др.]. – СПб. : Наука, 2007. – 554, [1] с.

10. Краснов Г. В. «Последние песни»: Работа о последних произведениях Н. А. Некрасова / Г. В. Краснов. – М. : Книга, 1981.

11. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15-ти т. / Н.А. Некрасов. – Л.; СПб.: Наука, 1981–2000. – Т. 15. Кн. 2. – 638, [2] с.

12. Елисеев Г. З. Переход «Отечественных записок» в руки Некрасова / Г.З. Елисеев // Антонович М. А. Шестидесятые годы: воспоминания / М. А. Антонович, Г. З. Елисеев; вступ. ст. В. Е. Евгеньев-Максимов; вступ. ст. Г. Ф. Тизенгаузен; коммент. Г. Ф. Тизенгаузен, В. Е. Евгеньев-Максимов. – М.; Л.: Academia, 1933. – С. 344–364.

13. Гин, М. М. Незавершенные произведения Некрасова / М.М. Гин // Вопросы литературы. №7, 1984. – С. 109–134.

14. Бухштаб Б. Я. О конструкции поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» / Б. Я. Бухштаб // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. – Петрозаводск, 1981. – С. 25–40.

15. Теплинский М. В. Наследие Некрасова и вопросы развития советской поэмы / М. В. Теплинский // Некрасов и литература народов Советского Союза. – Ереван : Изд-во Ереванск. ун-та, 1972. – С. 418–435.

16. Цит. по: Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах / Сост. Е. М. Иссерлин; сост. Т. Ю. Хмельницкая; под ред. Ю. Г. Оксмана. – Л. : Academia, 1930. – 600 с.

17. При публикации 1874 года «Крестьянка» имела подзаголовок: «Из третьей части...». В наборной рукописи

1876 года глава «Пир на весь мир» сопровождалась примечанием: «Из второй части “Кому на Руси жить хорошо”. Настоящая глава следует за главою “Последыш”, помещенною в “Отечественных записках” 1873 г. № 2...». Однако в помете 1876 года Некрасов не оставил указаний о месте главы «Крестьянка» после композиционной перестройки, связанной с написанием «Пира». В истории издания это послужило поводом для последующего перемещения «Крестьянки» из финала в позицию после «Части первой», или в позицию между частями «Последыш» и «Пир на весь мир» [3, 609–610].

18. Цит. по: Литературное наследство. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1949, т. 53-54. – 635, [9] с.

19. Согласно закону о печати 1865 года, предварительная цензура для ряда изданий была заменена карательной: публикуемые материалы не встречали цензурных препятствий, но зачастую сказывались цензурные «последствия», которые нужно было предугадывать авторам и редакторам, ответственным за публикацию. Необходимость внутренней цензуры и проблемы, возникающие в связи с новым законом, не раз были отражены Некрасовым в стихах:

... закон о печати
запрещеньем журналу грозит,
если слово обронишь некстати! [7, 244]

20. См. например письмо Некрасова Н. В. Бергуот 12 февраля 1873 года: «В конце года начинать “Тадеуша” было невозможно – надо было кончать прежде начатые вещи; на 1 и 2 книгу “От. Зап.”. У меня стихов было много – мои две вещи и комедия (в стихах же) Островского» [11, 10].

Институт филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета

Саженина Е. В., аспирант кафедры русской литературы и теории литературы

E-mail: katerinasazhenina@yandex.ru

Institute of Philology, Media and Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University

Sazhenina E. V., Post-graduate Student of the Russian Literature and Literary Theory Department

E-mail: katerinasazhenina@yandex.ru